

Петр Подгородецкий

**Русские идут! Заметки
путешественника**

«Издательство АСТ»

Подгородецкий П. И.

Русские идут! Заметки путешественника /
П. И. Подгородецкий — «Издательство АСТ»,

Польша, Чехия, Германия, Афганистан, Мозамбик, Лесото, Израиль, Соединенные Штаты, Вьетнам, Китай, Греция, Турция, Египет, Тунис, благословенный Таиланд и прочее, и прочее, и прочее... Насмотрелся я там и сам всего разного, и наслушался рассказов о том, чего лично попробовать и испытать не удалось. Вот и решил снова прорезать правду-матку – рассказать о наших соотечественниках и тех, кто их встречал за рубежом, без разных рекламных штучек, без прогибов и всяких там эквивоков. Хотя то, что я описываю прямо и без прикрас, на самом деле – лишь маленькая надводная часть айсберга, который представляет из себя «зажигалово» наших соотечественников в зарубежных странах... Думаю, что любая из рассказанных мною историй достаточно поучительна, и каждый сможет найти для себя что-то интересное. Если встретите меня где-нибудь в Нью-Йорке, Гамбурге или на Самуи, подходите за автографом смело. Только не забудьте пароль: «Русские идут!» Петр Подгородецкий

Содержание

Предисловие	5
В стране дядюшки Хо	8
Конец ознакомительного фрагмента.	16

П. Подгородецкий

Русские идут! Заметки путешественника

Предисловие

«Русские идут! Они везде!» – согласно преданию, именно с таким криком 2 мая 1949 года первый министр обороны США адмирал Джеймс Винсент Форрестел выбросился из окна шестнадцатого этажа военного госпиталя в Вашингтоне. Последние два десятилетия подобные вопли слышатся отовсюду. После долгой разлуки с внешним миром наши соотечественники добрались даже до самых укромных уголков земного шара. Спрятаться, скрыться от жителей бывшего СССР сегодня совершенно невозможно. Ну разве что попробовать посадить в кутузку, как совладельца «Норильского никеля» Михаила Прохорова, или же просто выслать из страны, как это уже случилось с сотнями и даже тысячами наших сограждан.

Русские обладают редкой способностью проникать всюду – на самые охраняемые курорты, в места отдыха голливудских и прочих знаменитостей, на частные территории, чуть ли не в королевские и президентские резиденции. Вопрос состоит лишь в количестве денег и степени наглости. Помните один из анекдотов середины девяностых? «Новый русский» в Лондоне зашел в фешенебельный часовой магазин. Как солидному покупателю ему тут же предложили русскоговорящего продавца, который и стал предлагать ему часы. «Обратите внимание на эту „Омегу». С ней вы будете как Джеймс Бонд!» – «Это кто такой? Ваш разведчик какой-то? Да на хрен он мне нужен!» – «А вот новая модель „Ролекса» с бриллиантами...» – «Да у моего тестя на каждой руке по два таких!» – «А вот этот золотой „Патек Филипп», который королева в свое время подарила Принцу Чарльзу. Очень редкие часы». – «Да у вас тут что, комиссионка, что ли? А ну-ка отойди. Вон там на плакате часики вроде ничего...» – «Но, сэр, это ведь Биг Бен! Это историческая реликвия. Они – часть здания». – «Значит, с нагрузкой продаем? Сколько за все?» После долгих консультаций продавец объявляет цену – в несколько миллиардов фунтов. «Как тут у вас говорят, – пожимает плечами „новый русский». – О'кей, что ли? В общем, счет в мой банк, часики выковырять и в Барвиху, ко мне на дачу, а сарайчик я пацанам под склад сдам...» Конечно, анекдот несколько гипертрофирует (какое красивое слово я употребил!) похождения наших нуворишей (еще одно!), но что-то от лихих девяностых в нем есть.

А к чему далеко ходить? В Таиланде на острове Пхукет находится самый шикарный в стране гостиничный комплекс «Аман пури», которым, как говорят, владеет королевская семья. Скорее, это даже не отель, а конгломерат роскошных вилл, расположенных на больших участках земли. Живут и отдыхают там обычно люди непростые: Шон Коннери, Мадонна, Дэвид Бэкхэм... Понятное дело, что все вокруг – частная собственность, в том числе и пляж, везде охрана... И как-то раз в местные территориальные воды зашла роскошная, даже по понятиям местных знаменитостей, яхта и бросила якорь прямо напротив пляжа. Спущенный на воду моторный катер поплыл прямо к берегу. Обалдевшие охранники и менеджеры гурьбой ринулись к «десантникам» и наперебой принялись объяснять им, что это – частная территория, что здесь посторонним без приглашения хозяев даже купаться запрещено. «Десант» же, состоявший из нескольких серьезных мужчин и десятка девушек модельной внешности и различных цветов кожи, пару минут внимал взволнованным тайцам, после чего самый серьезный из непрошенных гостей через переводчика потребовал «главного». Появившийся главный управляющий не успел даже и заикнуться о том, что чего-то там нельзя, как услышал (правда, в переводе) следующую тираду: «Мы тут типа с пацанами отдохнем денька три, покупаемся. Что до расходов, то, думаю, этого хватит...» После щелчка пальцами совершенно деморализован-

ному управляющему был предъявлен кейс, набитый пачками американских долларов. Говорят, что там было несколько сотен тысяч у. е. Чтобы уладить формальности, провели короткие переговоры, и стороны пришли к консенсусу. Единственное, что волновало тайскую сторону, – это возможность проживающим на виллах отдыхать без помех, что и было обещано. Со всего побережья собрали русскоговорящих гидов, чтобы, с одной стороны, услужить «новым боссам», а с другой, при случае предостеречь их от противозаконных действий. Три дня весь комплекс гулял, не засыпая и не просыхая. Прямо на пляже установили аппаратуру, которая, как говорят, не уступала той, на которой работают «Роллинг Стоунз», группы меняли одна другую – в общем, было весело. Приезжие сообщили, что на эти дни все счета проживающих в отеле они оплатят по мере поступления. Ну а на халяву, как говорили классики, «пьют и трезвенники, и язвенники». Утверждали, что уже вечером второго дня на берегу видели одинокого пьяненького Бэкхема, бормотавшего себе под нос что-то вроде: «Меньше надо пить! Пить меньше надо!»

Парадокс, но сегодня россияне, желающие нормально, спокойно и цивилизованно отдохнуть, ищут места, где российский массовый туризм еще в полной мере не развит. Это – относительно дорогая Европа, далекая Латинская Америка, штатовские Гавайи, различные частные закрытые территории. Но и тут избежать общения с соотечественниками не удастся. Павел Николаевич Гусев, главный редактор «Московского комсомольца», обычно делит отдых на две части: охоту и спокойное семейное времяпрепровождение. Уже несколько лет он арендует уединенную виллу на Корсике, подъезд к которой с берега затруднен природным рельефом и местной полицией. Перед виллой простирается небольшая, но уютная бухточка, где Павел Николаевич с женой и дочками любит посидеть в шезлонге, а то и искупаться. И вот как-то раз, как он рассказывал, прямо по уже описанному нами сценарию, в бухту втиснулась океанская яхта. С трапа прямо в воду спустился плотный мужчина и поплыл к берегу, но каким-то странным стилем – как народный герой Чапаев, гребя лишь одной рукой. Когда он приблизился, выяснилось, что второй рукой он прижимал к уху мобильный телефон. И зазвучал над корсиканскими водами великий и могучий! «Маша, да пошла ты на хер! Дурой быть не надо! А уродо этого я приеду – утоплю!» – При этих словах пловец махнул рукой и закинул блеснувший золотом мобильник подальше в воду. А затем неторопливо развернулся и поплыл обратно к яхте. Краткое свидание с родиной для Павла Николаевича на этом, к счастью, закончилось.

Мне, как и многим жителям бывшего Союза, удалось побывать в разных странах. Причем первый раз я оказался за рубежом еще при Брежневе, более того, в эпоху «расцвета застоя», в 1976 году. Причем попал сразу в Италию, где насмотрелся на местные нравы, да к тому же еще привез джинсы, настоящие фирменные часы, журнал «Плейбой» – в общем, все, что было престижным и труднодоступным для обычных граждан в те времена. Ну, а с середины восьмидесятых пошло-поехало: Германия, Польша, Чехия, опять Германия, уже объединенная, Афганистан, Мозамбик, Лесото, Израиль, Соединенные Штаты, Вьетнам, Китай, Греция, ну и, конечно, Турция, Египет, Тунис, благословенный Таиланд и прочее, и прочее, и прочее... Ездил с «Машиной времени», с Кобзоном, с хором и оркестром, сольно, с другом Алексеичем,¹ с женой Ирой, в компаниях друзей. Насмотрелся всего разного, наслушался рассказов о том, чего самому попробовать и испытать не удалось. Вот и решил снова прорезать правду-матку – рассказать о наших соотечественниках и тех, кто их встречал за рубежом, без всяких рекламных штучек, без прогибов и всяких там экивоков. И еще – не удивляйтесь, что одна глава короче или длиннее другой: как чувствовал, так и писал. Пусть не смущает вас и то, что вы познакомитесь в этой книге как с известными людьми, так и с теми, о ком пока не слышали.

¹ Алексей Алексеевич Богомолов. В прошлом – преподаватель, хоккеист, журналист «МК» и «Совершенно секретно», сейчас высокий чин на госслужбе. Знает и помнит все. Сильно помог «Машине времени», когда ее травили, а мне лично – когда я избавлялся от кокаина. – *Примеч. авт.*

Не понравится – не читайте о них. Но думаю, что любая из рассказанных мною историй достаточно поучительна, и каждый может найти для себя что-то интересное. А это ведь главное, не правда ли? Как говорится, книга эта рассчитана на широкий круг читателей: тех, кто уже был за рубежом, тех, кто туда собирается, и даже тех, кто никогда туда не поедет. Помните сюжет из бессмертной книги Александра Дюма-отца «Двадцать лет спустя», когда слуга Портоса, вернее, уже барона дю Валлона, де Брасье и де Пьерфона, по имени Мушкетон, рассказывал господину д'Артаньяну, зачем Портосу понадобился глобус? Если не помните, он был нужен для того, чтобы рассматривать те далекие страны, в которые Портос и Мушкетон никогда не поедут... Давайте же посмотрим на наш глобус моими глазами, глазами моих друзей, коллег и соратников и уж тогда решим, ехать нам с вами куда-то еще или нет. Интересно будет узнать, что вы решили. Если встретите меня где-нибудь в Нью-Йорке, Гамбурге или на Самуи, подходите за автографом смело. Только не забудьте пароль: «Русские идут!»

В стране дядюшки Хо

Путешествия начала девяностых годов – это совершенно отдельная тема. С появлением закона о въезде и выезде из СССР, а потом и России, десятки тысяч наших соотечественников ринулись на не исследованные ими просторы Европы и Азии. И если кто из молодых читателей подумает, что они делали это ради культурного отдыха, осмотра музеев и прочих достопримечательностей, то глубоко ошибется. Люди отправлялись «челночить». Вообще, в ходе своего повествования о «челноках» и их особенностях я буду вспоминать довольно часто, а сейчас отмечу лишь то, что ими, как правило, были люди, поначалу насобиравшие по друзьям и знакомым несколько сотен долларов и отправившиеся в Турцию, Польшу, Вьетнам или Китай покупать оптом ширпотреб. Самый неудобный транспорт, самые дешевые гостиницы, скудная еда – но зато после поездки можно было не только раздать долги, но и получить прибыль в 100–300 процентов. Я, конечно, не специалист в микро- и макроэкономике, но могу сказать, что получался такой навар благодаря совершенной «товарной пустоте» в наших магазинах, особенно торговавших одеждой и бытовой техникой.

Вот «челноки» и принялись эту пустоту исправно заполнять.

Мой друг Алексеич, работавший в 1992 году в «Московском комсомольце», к разряду «челноков», естественно, не относился. Но по прихоти начальства в качестве премии за успешную работу он получил путевку во Вьетнам. Тогда эта страна была мечтой многих торговцев и не только их. Мечтой, часто несбыточной, поскольку один перелет во Вьетнам стоил около тысячи долларов, что в те времена было очень много. К примеру, пяти-шестилетний «нисан» или «тойоту» тогда можно было привезти примерно за те же деньги, поскольку в Японии эти машины стоили долларов по пятьсот. Так что отправлялись во Вьетнам «челноки» со стажем. В их тесную компанию и попал Алексеич. Я же, прослышав от своего друга о волшебной стране желтолицых братьев по разуму, в последний момент решил присоединиться к турне. Заплатил кровные полторы штуки «зеленых» и в назначенный час уже попивал виски в Шереметьевском дьюти фри.

Это сейчас самолеты в Юго-Восточную Азию летают быстро, а в те времена путь от Москвы до города Хо-Ши-Мин, бывшего Сайгона, занимал примерно сутки. Первой «станцией» на пути к Вьетнаму оказался Ташкент. Всех пассажиров высадили из «Ил-86» и отправили в здание аэровокзала, который представлял из себя обычный совковый аэропорт, разделенный стеклянными перегородками на несколько крупных отсеков. В каждом из них находилось по несколько сотен человек. Нас очень удивили странные люди в соседнем «накопителе». Это были мужчины, все как один обритые наголо и бородатые. Глядя на них, можно было подумать, что они только что вышли из парилки, поскольку единственной одеждой у них оказалось что-то вроде белых простыней. Мужчины сидели или лежали прямо на полу и, по-видимому, чувствовали себя при этом весьма комфортно. Мой пытливый друг довольно быстро выяснил, что эти странные, на наш взгляд, люди – паломники, собравшиеся в хадж, то бишь в святую для всех мусульман Мекку. Народ этот был очень спокойный, можно сказать, душевный и совершенно не обращал никакого внимания на «челноков», глазевших на столь необычную группу товарищей. Через полчаса, словно повинувшись какой-то команде, все эти люди в простынях встали и гуськом направились к выходу, видимо, на посадку в самолет. Кто-то из наших соотечественников задумчиво сказал: «Да, багажа-то у них нет, в руках ничего не видно, из одежды – одни простыни. Интересно, куда они деньги-то прячут...»

Второй остановкой был пакистанский город Карачи. Учитывая напряженные отношения между Россией и этой страной, пассажиров вообще не выпускали из самолета. Да и обстановка на летном поле оказалась приближенной к боевой. Постоянно проезжали открытые джипы с вооруженными автоматами людьми, вдалеке виднелся бронетранспортер. Через час-полтора

лайнер покинул негостеприимную землю Пакистана и взял курс на Индию. Загруженную в самолет местную еду, которой стюардессы пытались кормить народ, никто есть не стал. Даже Алексеич, известный гурман, потыкав пластиковой вилкой зеленоватый кусок рыбы, отказался от такой пищи. Я же лишь выпил сто пятьдесят водки и закусил пряником, который лежал у меня в кармане сумки года, наверное, два. Зубы не сломал, с диареей не познакомился – пакистанский барьер был пройден нормально.

Индийский город Калькутта, вернее, аэропорт этого города, оказал на пассажиров весьма сильное впечатление. Достаточно сказать, что за время пятисотметровой прогулки от самолета до здания аэровокзала человека три-четыре, в основном, женщины в возрасте, упали в обморок. Сойдя на индийскую землю, наши граждане ощутили явную нехватку воздуха. Несмотря на темное время суток, температура была градусов 30–35, а влажность – примерно как в русской бане. Так что «накопитель» с кондиционированным воздухом показался истинным раем. Кстати, как и в Карачи, на летном поле находилось полно вооруженных людей. Правда, вооружены они были винтовками начала XX века – как утверждал Алексеич, чуть ли не легендарными «Ли Эндфилд». Любопытное зрелище представлял из себя местный дьюти фри. В нем оказалось множество товаров местного производства, ни один из которых не мог привлечь внимания цивилизованного человека: какие-то тряпочки, железочки, индийские варианты рома и виски, стоившие раза в три дороже, чем в Москве. В общем, купив за три доллара банку «кока-колы», разбавленной водой раза в два, мы с Алексеичем поняли, что в Индии нам делать нечего, если только не захотим радикально похудеть. Зато мой коллега по несчастью пообщался с индийским полицейским, который спросил по-английски: «Друг мой, а нет ли у тебя видеомagneтофона на продажу?» Мы в свое время заметили, что один из «челноков» зачем-то притащил с собой в аэропорт купленный в Москве «Панасоник», и направили страждущего общения с видеокультурой индуса к нему. Оказалось, что в Индии видеомagneтофон – большая ценность и стоит в полтора раза дороже, чем в Москве, долларов шестьсот. Индус долго ходил вокруг вожделенного прибора, говоря, что у него есть только пятьсот, но потом выяснил, что в специальном талончике, выдававшемся каждому пассажиру, у «челнока» поставлена отметка о том, что тот обязан вернуться в самолет вместе с видео, и утерял интерес к красивой коробке с заманчивой надписью VHS.

Последней остановкой на пути был Ханой – столица Вьетнама. Местный аэропорт оказался самым скромным из мной увиденных и представлял из себя лишь небольшой павильончик без всяких изысков, хорошо, что хоть со скамейками. Примерно как «Внуково-2», только раза в два меньше. Из него можно было спокойно выйти на летное поле и погулять, правда, в небольшой зоне перед фасадной частью. Неожиданно Алексеич заметил, что к зданию подруливает только что приземлившийся огромный американский военно-транспортный самолет типа «Геркулес». Из гигантской машины выбрались с десятков американских военных чинов и примерно столько же морских пехотинцев в военной форме и белых перчатках. Вообще-то, учитывая отсутствие дипломатических отношений между двумя странами, такой визит военного самолета показался нам очень странным. Тем более что на летное поле выехали несколько машин с вьетнамскими военными, которые довольно дружелюбно приветствовали американцев. Из грузовика, что сопровождали машины, были выгружены оранжевые контейнеры, которые американские солдаты торжественно приняли, накрыли государственными флагами и понесли в «Геркулес». Высшие чины расписались в каких-то бумагах, еще раз отдали честь друг другу, и вьетнамцы уехали. А американцы отправились в здание аэропорта – ждать, пока дадут сигнал на вылет. Мы тут же спросили у пожилого американского полковника, чем вызвано такое потепление отношений между США и Вьетнамом, на что тот ответил, что никакого потепления нет. «Это мы своих забираем», – пояснил он. Ну, тут уж даже нам стало понятно, что вьетнамцы передавали бывшим противникам останки погибших американских солдат. Судя по количеству контейнеров, их было довольно много. На этой грустной ноте мой

рассказ о Ханое заканчивается. Через полчаса «Геркулес» взял курс на Штаты, а наш аэрофлотовский «Ил-86» – на Хо-Ши-Мин. Кстати, в пути нас очень вкусно покормили восточной едой, адаптированной под европейские желудки.

Хо-Ши-Мин раньше назывался Сайгоном, и многие вьетнамцы даже спустя двадцать лет после его переименования звали его именно так. Даже продавались значки со старым названием и майки с надписью Hard Rock Cafe Saigon, хотя никакого «Хард-рок кафе» там по определению быть не могло, хотя бы из-за отсутствия дипломатических отношений между Вьетнамом и Штатами. Правда, когда дело касалось денег, всякая политика отходила на второй план. Поэтому повсюду продавались майки с американским флагом и портретами президентов, джинсы, сделанные «под Америку», всякая US-символика... А что касалось доллара, то он вообще был валютой номер один.

Из аэропорта всю «челночную» команду нужно было доставить в город Вунгтау – курорт на берегу океана. Его особенность – то, что в течение многих лет там находилась военная база: до 1944 года – французская, а потом почти тридцать лет – американская. Так что кровей у местного населения намешано немало, особенно если учесть многорасовый характер американских войск. Наилучшим образом это почему-то проявлялось у женщин. Можно было встретить даму с черной кожей, раскосыми глазами и ростом под два метра, в то время как обыкновенно вьетнамки – ростом сантиметров 120–130. Попадались женщины с европейскими чертами лица, с явно угадывающейся индейской кровью, даже похожие на наших соотечественниц. Но это уже, видимо, следствие дислокации в Вунгтау российской нефтедобывающей компании. Забегая вперед, скажу, что располагалась она в месте, которое местные граждане почему-то называли «Голливуд». В общем, посмотреть там было на кого, и не только посмотреть. Но обо всем по порядку.

Автобус с туристами находился в пути уже часа полтора, как вдруг водитель решил сделать остановку в очередном населенном пункте. Опытные «челноки» остались сидеть на своих местах, а вот тех, кто вышел из автобуса, тут же окружили невесть откуда взявшиеся многочисленные вьетнамские дети, требовавшие дать им хоть что-нибудь. Жвачка, конфеты, какая-то мелочь – все это быстро исчезало в грязных ручонках наследников дядюшки Хо. С трудом вырвавшись из объятий местного подрастающего поколения, наши граждане забрались обратно в автобус, а детишки стучали в окна, подпрыгивали – в общем, всячески напоминали о своем существовании. Для одного из них это существование закончилось через пару минут. Когда автобус тронулся, малец лет пяти упал под заднее колесо и тут же был раздавлен. Самое интересное, что вся процедура расследования продолжалась не более четверти часа. Вьетнамцы довольно тихо стояли вокруг покойного, не оказывая ему никакого уважения. Они деловито о чем-то говорили, но похоже, без особых эмоций. Один из них пнул большим пальцем босой ноги растекшиеся по асфальту мозги. Другой за ногу оттащил маленький трупик на обочину. Пришла мама ребенка, немного поплакала, но без особого энтузиазма. Затем явился товарищ в форме военного образца, который сделал запись в ученической тетради в клеточку, похоже, советского производства, и махнул водителю: «Езжай, мол». Россияне в автобусе всю дорогу до Вунгтау молчали, изредка высказывая удивление странной реакцией вьетнамцев на событие. Только потом русскоязычный гид с собачьим именем Лай объяснил, что один из основных религиозных принципов у вьетнамцев – это «бог дал, бог взял», и что они искренне верят в то, что когда тебя «возьмут», то тебе будет гораздо лучше. Потому и не убиваются понапрасну, коль такая или какая иная трагедия случится.

Расселили народ во вполне приличной, особенно по тем временам, гостинице «Палас», состоявшей из двух корпусов: жилого и административно-развлекательного. Корпуса эти соединялись переходом, который одной стороной был обращен к улице, а другой – ко внутреннему дворику с окультуренной растительностью. От улицы, понятное дело, переход отделяла

мощная решетка из металлических прутьев с заостренными концами. Номера оказались большими и удобными, с телевизорами (японскими), показывавшими пару-тройку программ на непонятных языках, а также кондиционерами. У Алексеича в номере стоял «кондишн» американской фирмы White Westinghouse 1968 года выпуска. Скорее всего, он достался вьетнамцам как трофей при отступлении американцев. Но работал исправно. Еще из техники в номере были японский холодильник, в который каждый день горничная ставила две бутылки кипяченой воды. Другую пить не рекомендовалось.

Прикольно то, что май во Вьетнаме – самое жаркое время года, и температура в тени зашкаливает серьезно за сорок. Так что бедным «челнокам» таскаться по рынкам с огромными баулами было очень тяжело. А проводили они там практически все время, приезжая в отель лишь для принятия пищи. Кстати, пища оказалась вполне здоровой: овощные супчики, морская живность, что-то вроде курицы и разные фрукты. Последние стоили крайне дешево, впрочем, как и почти все остальное. На доллар можно было приобрести штук пять ананасов. Если платить не хотелось, отойди от пляжа на сотню метров, туда, где начинались джунгли, – и вот они, халявные плоды... Кстати, загорать и купаться нормальным образом в такую погоду оказалось невозможно. Представьте себе океанскую воду, нагретую градусов до сорока, и подумайте, хотелось бы вам в ней плескаться... Поэтому все сидели под специальными здоровеными зонтиками в шезлонгах или лежали под ними на песке. Торговцы это делали только в выходной, а мы с Алексеичем – по мере желания. Даже на мелководье купаться было не очень приятно. Я-то хоть пытался какое-то время проводить в воде, а Алексеич сидел себе в шезлонге (тогда он в него еще помещался), попивал холодный напиток «7 Up», о котором россияне в то время и не слышали, время от времени плескал на себя из стоявшего рядом тазика, наполненного водой со льдом, – вот и все удовольствие. Еще можно было подозвать вьетнамца с лотком, на котором (тоже во льду) шевелилась разная морская живность, указать на понравившийся тебе моллюск или ракообразное и минут через десять получить его в только что изжаренном виде. Любопытно, что все банки с напитками были, судя по маркировке, изготовлены в Сингапуре, причем на каком-то древнем заводе, поскольку при дергании за колечко вместе с ним отрывался и треугольничек с острыми краями. Поэтому на пляже всегда приходилось смотреть под ноги, чтобы не наступить на такую железку и не порезаться. В Штатах, если мне не изменяет память, банки с «неотрываемой» крышечкой появились где-то в середине шестидесятых.

Кстати, со льдом у вьетнамцев никогда проблем не было. Даже в деревушках по пути следования автобуса находились какие-нибудь точки общепита, в которых стояли древние генераторы для производства льда. Вьетнамцы замораживали огромные «шпалы», весом килограммов по пятьдесят, от которых специальной пикой, вроде той, которую использовала Шарон Стоун в «Основном инстинкте», откалывали куски нужного объема. В городах генераторы стояли повсюду, в любом продовольственном магазине, кафе и даже уличных киосках. Некоторые были французские, времен Второй мировой войны, другие – американские, а наиболее «свежие» – японские. Япония вообще, пользуясь своей географической близостью, проводила во Вьетнаме активную экспансию. Например, многочисленные мопеды, которыми пользовалось местное население, носили название «Хонда», несмотря на то, что на них зачастую было написано «Ямаха» или «Кавасаки». Спрашиваешь, например, вьетнамца, разъезжающего на «Ямахе», как его транспорт называется, а он тебе и говорит: «Хонда». Прямо как у Козьмы Пруткова: «Если на клетке слона написано „буйвол“, не верь глазам своим». Даже на обочинах дорог, где продавали канистры, канистрочки и банки с бензином, у каждой «точки» висел от руки написанный плакат «Хонда». Это слово так же прочно вошло в жизнь вьетнамцев как определение мопеда, как у нас «ксерокс» – как определение копировального аппарата, а у чехов «рифлы» – как определение джинсов.

В те времена во Вьетнаме автомобильный транспорт был редкостью. Основу, как мы уже упоминали, составляли мопеды, затем шли велосипеды и велотележки разных модифика-

ций, грузовые и легковые. И при всей кажущейся хрупкости эти тележки выдерживали стопятидесятикилограммового Алексеича. Более того, его вез вьетнамец-рикша, который и сам-то весил раза в четыре меньше. И вез без малого километров пять до хорошего пляжа, а потом и обратно. Между прочим, всего за доллар.

Провинциальный вьетнамский рынок начала девяностых годов выглядел очень похожим на начавшие появляться тогда российские вещевые рынки. Вот только товары там были в несколько раз дешевле. Дороже, чем в России, там оказалась только аудио-, видеотехника. Тот тверской «челнок», купивший в Шереметьевском дыuti фри недорогой видеомагнитофон «Панасоник», успешно сбыл его на вьетнамском рынке, получив примерно 30 процентов навару. А закупались там для продажи в основном тряпки: от нижнего белья до зимних курток. Платья стоили по 20 долларов за десяток, мужские летние брюки примерно столько же, джинсы – по 5-10 долларов, в зависимости от качества. Всякие полудрагоценные камни шли чуть ли не на вес. Интересно было изучать огромный развал наручных часов. Там присутствовало все: от явных подделок за 5-10 долларов до абсолютно идентичных натуральным «Сейко» и «Ориентов». Не знаю, каким образом они попадали во Вьетнам, может, это была какая-то «некондиция» из Японии, но часы, имевшие в большинстве случаев какой-то маленький, почти не видимый дефект – царапину на краю стекла, плохо застегивающийся браслет... – оказывались вполне приличного качества. Алексеич купил себе «Ориент Колледж» – огромную «гайку» с вишневым циферблатом, светящимися цифрами и стрелками и надежной механикой за 45 долларов. Носил он часы лет десять, причем неоднократно они падали, в том числе и в воду, но механизм работал исправно.

Зная Алексеича, скажу, что он терпеть не может торговаться, поэтому «челнока» из него никогда бы не получилось. Хотя для того чтобы купить всем родственникам обоюго пола многочисленные обновки, он просто подходил к прилавку, спрашивал, сколько стоит, скажем, пять пар джинсов разного размера, а затем на предложение заплатить 50 долларов, говорил: «Тридцать». И обычно вьетнамцы сразу соглашались, что было удивительно, поскольку наши «челноки» для того, чтобы скинуть «двадцатку», уговаривали их часа два. Правда, удивление прошло довольно быстро, и вот почему.

Расхаживая по дикой жаре в толпе мелких вьетнамцев, наш большой друг выглядел примерно как Гулливер в стране лилипутов. Через некоторое время он заметил, что пользуется каким-то странным вниманием. Приближавшиеся к Алексеичу на расстояние вытянутой руки местные жители норовили коснуться его, после чего стыдливо отдергивали руку и улыбались. Сначала он думал, что стал мишенью для какого-то неведомого общества гомосексуалистов-вьетнамцев, но потом заметил, что и женщины, причем совершенно разного возраста, тоже стремятся до него дотронуться. После этого они, хихикая, отскакивали в сторону. Вечером гид объяснил Алексеичу, что в стремлении местного населения прикоснуться к прекрасному (к нему, то есть) нет ничего необычного. Религиозные убеждения предписывают при виде большого человека дотронуться до него, чтобы ощутить снисхождение благодати, которую тот, несомненно, олицетворяет. Алексеич успокоился и даже немного возгордился, поскольку стал чувствовать свою особую миссию в среде вьетнамцев. Я, хотя и был в то время немаленьких размеров, пользовался вниманием местных жителей только в отсутствие моего друга. Меня тоже норовили коснуться. Один раз я даже в ответ ухватил симпатичную вьетнамку за руку и притянул к себе поближе. Она, похоже, не возражала, выражая свои эмоции сдавленным хихиканьем, но при этом густо покраснела – настолько густо, насколько ей позволял общий желтоватый цвет лица. Кстати, о цвете лица. В последние годы у местных женщин иметь лицо желтого, а тем более загорелого вида – это моветон. Поэтому они все поголовно пользуются отбеливающими кремами и жидкостями, а чтобы не загореть, надевают специальные маски на манер тех, что в Японии носят при эпидемиях гриппа. Очень занятно видеть огромную толпу

«медсестер», едущих по своим делам, но уже не на мопедах, как раньше, а на мотороллерах и прочих байках.

Другим предметом зависти местных мужчин и поклонения женщин была, как ни удивительно, борода. Дело в том, что у аборигенов она, как правило, не растет – зачем им, собственно, борода в таком жарком климате? Но ее наличие – это символ мужской силы и достоинства. Например, у дядюшки Хо Ши Мина бородка была вполне приличных размеров, что, несомненно, сказалось на его популярности в стране. Так что Алексеич являлся для вьетнамцев своего рода символом здоровья, успеха, высокой нравственности и еще черт знает чего. А мне с моей скудной растительностью на лице доставались лишь отблески славы моего большого друга.

Доходило и до курьезов. Шел как-то раз наш гигант по пыльной улице Вунгтау, думая о чем-то своем, как вдруг краем глаза заметил движущийся в попутном направлении мопед, естественно, «Хонду». На нем сидели две молоденькие симпатичные вьетнамки, которые, похоже, собрались куда-то в гости. Об их намерениях свидетельствовало то, что обе были аккуратно причесаны, красиво покрашены и даже одеты в белые перчатки до локтя, что считалось во Вьетнаме особым шиком. Так вот, по мере движения мимо Алексеича их головы, видимо, подчиняясь могучему инстинкту, поворачивались, поворачивались... Через две секунды, не справившись с управлением и обилием нахлынувших чувств, обе барышни вместе с «Хондой» рухнули на асфальт. А когда галантный Алексеич подошел к ним, чтобы помочь подняться, одна вообще чуть не упала в обморок. Не знаю уж от чего – от сознания близости божественного начала или от последствий ДТП.

Коль уж я вспомнил о вьетнамках... В начале девяностых все вьетнамские женщины соответствующего возраста, проживавшие в курортных местах и не работавшие в торгово-гостиничной сфере, занимались проституцией, по большей части профессионально. Даже наличие супружеских уз не останавливало их стремления заработать с помощью древнейшей профессии. Ну а поскольку девушки, как мы уже упоминали, были в Вунгтау на любой вкус и стоило все удовольствие совсем недорого, то наличие в городе многочисленных секс-туристов оказывалось неудивительным. Это сейчас они валят куда-нибудь в Таиланд, а тогда во Вьетнаме были такие демпинговые цены, что с ними не мог бороться никто. Чтобы сейчас стало понятно, кто был кто и что было что, приведу полный прайс-лист на май 1992 года.

В самом низу находились «пляжные девочки». К отдыхавшему в шезлонге на берегу океана туристу подходил сутенер и, приветливо улыбаясь, показывал ему веер из полароидных фотографий местных девиц в призывных позах и с минимумом одежды, а то и без таковой вообще. После того как «барин» выбирал ту или иную девицу, сутенер уходил куда-то за деревня, а потом приводил ее, чтобы показать товар лицом. Если на свет появлялся продукт непротирания двух сторон, то есть согласие, сутенер получал два или три доллара и оставался стеречь вещи. Секс-турист же с барышней, у которой под мышкой была цинковка, а в кармане шортов презерватив, отправлялся за ближайшие кусты, где, собственно, любовное таинство и происходило. А за четыре доллара можно было получить в аренду «Хонду» и отъехать с дамой в более живописное место. При этом время в общем-то не лимитировалось. Впрочем, больше двух часов даже привычные уроженцы южных республик не выдерживали. Попробуйте заняться сексом при сорокапятиградусной жаре и палящем солнце – посмотрим, сколько вы продержитесь...

Следующим номером оказывались уличные и пригостиничные девицы. Любой рикша мог за несколько центов показать, где кучкуются проститутки, и даже договориться о цене и месте встречи. Обычная цена была пять долларов, а происходил весь процесс в каком-нибудь домике между пляжем и городом. Пригостиничных девиц (тоже по пять долларов) можно было привести в административно-развлекательный комплекс гостиницы, посидеть с ними в баре, а

затем ощутить прелести орального секса в каком-нибудь укромном темном уголке, казалось, специально для подобных занятий и предназначенном. При данном виде общения презервативы не считались обязательными. Кстати, я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь из наших секс-туристов подхватил во Вьетнаме дурную болезнь. Всех пугали страшной «сайгонской розой», которая якобы раздувала мужское достоинство заразившегося до серьезных величин и делала его ярко-красным. Здесь не могу удержаться от того, чтобы вспомнить замечательную историю о великом русском художнике конца двадцатого века Алексее Меринове. Сразу оговорюсь, я лично ничего такого не видел, но вот коллеги по «МК» утверждают, что как-то раз в общем-то высоконравственный деятель искусства был завлечен в подпольный фешенебельный публичный дом в одном из старых московских особняков. Он даже было приготовился поучаствовать в общем разврате, как увидел холодную как лед бутылку «Абсолюта». И пока друзья предавались блуду, Меринов принял литр под легкую закуску. До огромного ложа, где его тщетно ждала полураздетая красавица, он так и не добрался, прикорнув на диванчике, после чего был отконвоирован домой. И вот, лишь улегшись спать, художник (с кем не бывает) почувствовал настоятельную необходимость посетить укромное заведение с белым фаянсовым другом в центре. Для тех, кто не понял, он решил пойти пописать. Не в том смысле, чтобы сваять какое-нибудь произведение, а в смысле опорожнить (извините за натурализм) мочевого пузыря. И вот в процессе этого действия он с ужасом заметил, что кончик его, извините за тавтологию, кончика начинает краснеть и раздуваться, причем прямо на глазах. Вся жизнь пролетела за несколько секунд в голове великого графика. И «сайгонская роза» ему вспомнилась, идеально подходившая по симптомам, и старушка мама, убеждавшая его предохраняться, и загубленная семейная жизнь. Он уже думал громогласно позвать тихо спавшую в комнате жену Машу, чтобы та позвонила в «скорую», как вдруг обнаружил, что ужасное красное уродство постепенно стало сползать вниз, а потом оторвалось и, подняв сонм брызг, плюхнулось в унитаз. Только тут Меринов понял, как он оказался прав, когда не стал звать жену, и как была права мама, уговаривая его пользоваться презервативом, и как неправ был он сам, забыв этот самый презерватив снять.

Но вернемся к нашим вьетнамцам, вернее, вьетнамкам. Массажные салоны у них разделялись на те, которые были «с услугами», и без таковых. Обычно массаж стоил семь долларов в час. Объект приложения рук полностью раздевался, принимал душ, минут пять-семь прогревался в парилке и укладывался на огромный сексодром. Затем массажистка, обычно для удобства раздевшись до пояса, начинала делать массаж вроде тайского, то есть гнула, выламывала, вытягивала и прижимала все суставы и мышцы. Чтобы промассировать огромного Алексеича, шустрая, но маленькая вьетнамка с верещанием то давила на него локтем, то упиралась руками и переносила на них весь свой небольшой вес, то изо всей силы тянула пальцы, так что аж суставы щелкали. Удивительно, но при всей очевидной болезненности подобных манипуляций после окончания массажа в теле чувствовалась легкость, а синяков и прочих следов не оставалось. Это был, что называется, «массаж без услуг». Те, кто хотел присоединить к процедуре оральные «услуги», должны были доплатить еще три доллара. В этом случае удовольствие продлевалось еще на полчаса.

Самой высокооплачиваемой и привилегированной кастой являлись гостиничные проститутки. Обычно они сидели в баре и с удовольствием обслуживали клиентов у них в номерах за семь-восемь долларов в час. Южные маньяки, бывало, забирали за двадцатку пару вьетнамок и общались с ними всю ночь. А элиту местных жриц любви составляли по-настоящему красивые девушки, примерно такого плана, как фотомодели, снимавшиеся для японских настенных календарей. С ними можно было пообщаться не менее чем за десятку, причем они разговаривали не только на вьетнамском, но и на английском и даже русском. Самая высокая цена, судя по рассказам специалистов, была пятнадцать долларов и платилась лишь в исключительных случаях.

В то время существовали очень строгие, практически непреодолимые правила, в соответствии с которыми каждая группа проституток могла работать только по своему профилю и месту деятельности. Например, провести в гостиницу кого-нибудь из «уличных» или «пляжных» было невозможно. Один московский армянин пытался уговорить портье – седого благообразного вьетнамца лет шестидесяти – пропустить к нему очень красивую даму с улицы. Он тряс перед ним пятидесятидолларовой купюрой, которая равнялась примерно полугодовой зарплате несчастного старика, но тот был непреклонен. Даже заплакал, от бессилия, но все равно не пустил парочку в отель. И правильно сделал: если бы пустил, его бы сразу уволили, а охотников на такое место в городе нашлось бы предостаточно. Кстати, во время следующей поездки этот армянин нашел свою пассию, сделал ей визу и вывез в Москву. Даже женился на ней. Интересно было бы посмотреть, какие у них получились дети...

Во Вьетнаме Алексеич сумел доказать, что европейский ум способен победить азиатскую хитрость. Когда армянин рассказал ему о своем несчастье, он поспорил с уроженцем печально известного Спитака и жителем Бирюлева, что сумеет провести уличную вьетнамку в гостиницу. За несколько дней Алексеич тщательно изучил обстановку. Поскольку вставал он рано, часов в восемь (после десяти из-за жары на улице делать было уже нечего), то имел возможность наблюдать с балкона жизнь отеля до подъема. Это и помогло ему в дальнейшем.

Прогуливаясь вместе с армянским коллегой по прибрежной улице, наш большой друг зашел в небольшую лавочку, чтобы купить себе диктофон. Торговала там юная особа, которая, увидев Алексеича, стала похожа на кролика перед удавом. Выяснилось, что она ни слова не знает по-русски, да и английский ее ограничивался двумя-тремя словами. Алексеич пальцем ткнул в микрокассетный «Сони», девица на калькуляторе показала, что стоит он сорок долларов, и сделка была совершена. Но вьетнамка вдруг встала на цыпочки, ухватила рукой за бороду Алексеича и, глядя ему в глаза, стала говорить: «Хотель, хотель...» Сначала подумалось, что она пытается говорить по-русски, но потом выяснилось, что интересует ее место временного проживания божественного гиганта. Вот тут армянин и говорит: «Спорим на полтинник, что ты ее не сумеешь провести в гостиницу?» Алексеич, как истинный спортсмен, принял спор. Сказав девице, что живет в «Паласе», он увидел, что она тычет пальцем в циферблат его «Ориента». Показав на цифру семь, он оставил довольную продавщицу в лавке, забрал диктофон и пошел в отель обдумывать, как ему выиграть только что заключенное пари.

Валяясь на постели, он вспомнил, что рано утром каждый день видел молодого вьетнамца, который подходил с внутренней стороны решетки, отделявшей территорию гостиницы от улицы, доставал из кармана ключ, открывал небольшую калитку, а затем вытаскивал на тротуар несколько тюков с грязным бельем, которые тут же увозила одна из редких в городе машин. В отличие от меня, Алексеич уже научился отличать вьетнамцев друг от друга, поэтому после обеда отправился искать «ключника». Когда он его нашел, то обратился к нему со следующей триадой (работники отеля понимали английский): «Парень, я вижу, ты человек предприимчивый и работаешь что есть сил. (Офигительный комплимент!) Так вот, я предлагаю тебе один американский доллар в общем-то ни за что. Ровно в семь часов ты подойдешь к решетке и ключом, который лежит у тебя в кармане, откроешь на одну минуту ту калитку, которую ты открываешь каждое утро в восемь утра. За это получишь вот такую новенькую зеленую бумажку». И Алексеич потряс перед глазами вьетнамца долларовой купюрой. Тот мгновенно понял, что от него требуется, и ответил: «О'кей, масса!» Удовлетворенный Алексеич пошел на обед, а затем стал ждать вечера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.